

ЭМБЛЕМЫ ЛИФЛЯДИИ

(см. ил. на 1 и 4 стр. обложки)

Городские и областные гербы Прибалтийского региона (или Остзейского края, как его называли во времена Российской империи) всегда занимали обособленное место в территориальной геральдике России. Ещё в середине XIX века классик русской геральдики А.Б. Лакиер отмечал, что «они резко отличаются своею рыцарскою загадочностью и сложностью от гербов русских как старых, так и вновь составленных»¹. Действительно, значительная часть этих территориальных гербов была известна уже к XVII веку, а некоторые из них дошли до нас (в определённой переработке) из рыцарских времён.

Геральдические и сфрагистические традиции были принесены в этот край немцами-колонистами уже в XIII веке, когда городские печати на их родине использовались широко², но городские гербы только зарождались, а до областных эмблем было ещё далеко³. Соответственно, история появления и становления городских и земельных (областных) гербов в Прибалтике отражает в значительной мере историю европейской (в частности, немецкой) территориальной геральдики. Гербы этого региона заслуживают внимательного отношения ещё и потому, что эмблемы прибалтийских городов и областей испытали на себе влияние различных геральдических школ и традиций: немецкой, польской, шведской, отчасти, датской и, наконец, российской - явление далеко не заурядное, которое, в конечном счёте, и обусловило специфику территориальной прибалтийской геральдики. Несмотря на то, что указанные гербы возникли на базе немецкой «школы», отличающейся педантичной и скрупулёзной теоретической проработкой, знакомство с конкретными рисунками этих гербов показывает, что на практике во все времена допускались значительные отклонения от догматических установок в части как изображения, так и цветового исполнения.

Казалось бы, целесообразность и необходимость исторического исследования в данной области понятна и оправданна. Но как обстоит дело в действительности? История областного герба (как и городского) естественным образом неразрывно связана с историей самой области (или города), которую этот герб представляет. История Прибалтийского края изучена достаточно подробно. Этой теме посвящён огромный массив литературы. Что же касается сведений о городских гербах этого региона, то они, как правило, расплывены по многочисленным монографиям и брошюрам, в которых исследовалась история конкретного города. С областными гербами дело обстоит ещё сложнее. В лучшем случае изображения их приво-

дятся без комментариев в губернских газетах и адрес-календарях или памятных книжках. Количество специализированных российских изданий (в основном, периодических), где разрабатывалась бы тема геральдики вообще (не говоря уже об областной и городской), и до революции было столь невелико, что их можно пересчитать по пальцам. О советском послереволюционном периоде в этом отношении нечего и говорить: эта тема считалась в лучшем случае неактуальной. Но и в довоенных Латвии и Эстонии, если и появлялись изредка статьи по геральдике, то авторами их были немецкие геральдисты-историки старшего поколения.

В процессе работы с литературой по указанной теме мне не удалось найти обзорного, снабжённого иллюстрациями исследования, посвящённого истории областных геральдических эмблем Прибалтийского края. Единственная работа по этой теме (касающаяся, в частности, лифляндского герба), опубликованная в российской печати в середине XIX века⁴, не содержит ни одной иллюстрации, является далеко не полной и не свободна от некоторых ошибок. Советские авторы работ по геральдике обходили стороной эту тему⁵. Отсутствие исследований по истории геральдики Остзейских губерний не могло не отразиться на качестве работ, в которых речь шла о соответствующих гербах.

Так, Н.Н. Сперансов полагал, что лифляндский гриф был «сочинён» во времена составления губернских гербов (т.е. в середине XIX века), когда «избрали для губернии новую отдельную эмблему»; при этом буквы на груди грифа он считал вензелем Петра Первого⁶. В более поздней работе, у В.В. Похлёбкина можно прочесть, что монограмма «S.A» в гербе города Митавы (современной Елгавы) принадлежит королю Станиславу-Августу⁷ (правившему, кстати, в 1764-1795 гг.), хотя на самом деле она напоминает о Сигизмунде II Августе (правившем в 1548-1572 гг.). Город Вольмар (современная Валмиера), по мнению этого автора, «получил в 1788 г. подтверждение своего старого тевтонского герба - бычьих рогов»⁸; в действительности, бычьи рога (точнее, - верхняя часть головы быка) - это память о бывшем владельце этого города шведском канцлере А. Оксенштирне, а «старым тевтонским гербом» этого города является дерево, которое в более позднем гербе расположено между рогами. К сожалению, подобные ошибки присутствуют и в работах специалистов-историков. Так, в издании, посвящённом истории российского герба, можно встретить неоднократные упоминания о «курляндских грифонах»⁹ (но эмблема Курляндии - лев), или утверждение, что «самогитская» эмблема представлена земгальским медведем¹⁰ (самогитская или жмудская эмблема, действительно - медведь, но земгальская или семигальская - олень). И уж совсем фантастическую расшифровку даёт А.Л. Хорошкевич для монограммы «И.В.П.В.», представленной на груди лифляндского грифа: «Императорское величество Пётр Великий»¹¹ (вместо настоящей: «Император Всероссийский Пётр Второй»).

Много сделали для искажения истории появления прибалтийских гербов и некоторые изготовители значков с изображением геральдических эмблем (хотя эти значки являются в настоящее время едва ли не единственным наглядным пособием по геральдике). В конце 80-х - начале 90-х годов любителей «геральдистов-фалеристов» радовали серии значков, выпускаемых фототипическим способом московским умельцем В.С. Суздалевым. В сериях, посвящённых Прибалтийским губерниям, наряду с гербами утверждёнными и известными, по крайней мере, по книге П.П. Винклера, присутствовали и значки с изображениями гербов, отличающимися от этого справочного издания. В некоторых случаях отличия заключались в цветовом исполнении или в стилистике рисунка (например, в гербах Риги, Вендена, Митава, Фридрихштадта, Везенберга, Вейсенштейна и др.); однако вместе с ними появились и новые изображения, ранее неизвестные (варианты гербов Феллина, Газенпота, Гольдингена). Литературный поиск показал, что такие изображения взяты из работ К. Меттига, историка, краеведа и геральдиста, который публиковал статьи по геральдике в начале XX века. Сам автор новых вариантов гербов (как и отличающихся по цвету и стилистике) считал, что именно такими, по его мнению, должны быть рисунки гербов; современные ему геральдические изображения (в том числе, официально утверждённые) он считал искажёнными и отошедшими от исторической действительности. Однако из работ К. Меттига следует, что это его личное мнение, и он сам не рассматривал приведённые изображения как настоящие гербы. Видимо, трудности немецкой грамматики, усугубленные готической графикой, помешали помощникам В.С. Суздалева разобраться в этих тонкостях, и «авторские проекты» К. Меттига вышли в серии значков наряду с утверждёнными гербами. Другую группу изображений в этой серии составляют гербы латвийских городов, утверждённые уже после революции (Ауц, Кандау, Шлок, Иллукст). Позже, ориентируясь, видимо, на так называемую «суздалевскую серию» и полностью доверяя ей, некоторые фирмы повторили выпуск значков с гербами этой группы по тематике «старый герб», хотя документы, свидетельствующие о дате утверждения этих гербов, были вполне доступны. Отдельно следует рассматривать значок с гербом Паланги: изображение с вольной частью так и осталось проектом 1875 г., а без вольной части оно появилось только на значках.

В качестве курьёза можно привести такой пример. В сериях, посвящённых геральдике городов, выпущены, в частности, значки с некоторой геральдической эмблемой, сопровождаемой сверху надписью «Питершанская» или «Питершанц». Но напрасно было бы искать название этого населённого пункта на старых картах или в географических словарях; его там нет и не было. Существовало полевое укрепление, возведённое во время Северной войны, напротив города Риги (через реку Двину), которое называлось «Петровы Шанцы». Однако герб предназначался не для этого

укрепления, а для знамени Питершанского гарнизонного полка, переименованного в 1721 г. из Казанского. Впоследствии этот полк был переименован в Усть-Эвстский и затем расформирован. Но эмблема для знамени Питершанского полка сохранилась в гербовнике 1729/1730 гг. (и в копиях с него), откуда и попала на значки. На таком же основании можно было выпустить гербовые значки с названиями «Лефортовский» или «Саксон-ский» - такие города не существовали, но эмблемы российских полков с указанными названиями также сохранились в знаменных гербовниках.

Возвращаясь к теме областных прибалтийских гербов, могу сказать, что мне не удалось ещё увидеть правильно выполненный герб Лифляндской губернии на выпущенных до сих пор значках: в произвольных формах и цветах изображаются и монограмма, и корона, и очертания самого грифа. Если говорить о городских гербах, то стоит отметить, что подъёмная решётка в воротах замков и башен на значках изображается различными цветами: белым, красным, чаще всего - золотым (видимо, для нарядности); однако в действительности практически во всех гербах она имеет только чёрный цвет. Примеры подобного отношения к территориальной геральдике Прибалтийских губерний можно продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы проиллюстрировать, насколько эта тема не разработана и нуждается в дополнительном освещении.

В связи с изложенным представляется целесообразным рассмотреть историю появления и развития областных и городских эмблем Прибалтийского края на фоне конкретных исторических событий данного региона или города. Первой в порядке рассмотрения является эмблема Лифляндии. Она сравнительно молода - появилась в те времена, когда рыцарские турниры давно уже отгремели. Принципиальное изображение на ней практически не менялось: от второй половины XVI века до настоящего времени белый гриф, стоящий в красном поле, грозно сжимает в правой лапе поднятый меч. Однако и в истории этого герба имеются свои вопросы. Так, в начале XIX века появляется (а в середине его - развивается) мнение, что инициалы на груди грифа меняются (или должны меняться) с каждым новым властителем. Но так ли это? Почему в ряде исторических памятников (в том числе и в гербовниках) традиционные цвета поля и грифа изменялись? Менялась и поза самого грифа - от идущего по земле на трёх лапах до гордо стоящего на двух ногах. Наконец, какие эмблемы предшествовали этому гербу? Настоящая статья являет собой попытку ответить на эти и другие вопросы.

Предшественники грифа (орденское время)

Начало активной христианизации народов, населяющих Восточную Прибалтику относится к 80-90-м годам XII века. Первые миссионеры - Мейнгард (проповедовавший в 1186-1196 гг.) и Бертольд (1196-1198 гг.)

только положили ей начало. Значительный след в истории этого региона оставил третий епископ - Альберт фон Буксгевден, который в 1201 г. перенёс епископскую резиденцию из Иксюля (латышск. - Икшкиле) в низовье Западной Двины (Даугавы) к её рукаву - речке Рига (соврем. - Ридзене). В следующем году сюда прибыли первые колонисты; так было положено основание городу Риге, административному центру будущей Лифляндии. Убедившись на примере своих предшественников в невозможности успешной проповеднической деятельности без постоянной и сильной военной поддержки, Альберт в 1202 г. приступил к созданию военномонашеского ордена. Мейнгард и Бертольд также опирались на военные отряды; однако большинство «пилигримов» (т.е. «странников», как называли сами себя крестоносцы), прибывавших в эти края по обету, задерживались здесь (в соответствии с тем же обетом), как правило, не более, чем на год, и планировать численность этих отрядов было невозможно. По поручению епископа Альберта монах-цистерцианец Дитрих Трейденский встретился в 1203 г. с римским папой Иннокентием III, который учредил «братство воинства Христова» («Fratres militk Christi») и дал ему устав ордена тамплиеров. Внешним отличием тамплиеров служил белый плащ с нашитым на левой стороне груди красным крестом. Рыцари новоучреждённого воинства Христова носили также плащ с крестом, но с дополнительным изображением красного меча, почему и получили вскоре название «меченосцев»¹². Видимо, в данном случае меч олицетворял не просто военную агрессивность или оружие завоевания нового края. По выражению св. Бернара Клервоского, «крестоносец носит праведный меч Бога»¹³. И именно этот меч должен быть направлен, по замыслу епископа Альберта, против местных язычников. Однако наиболее существенным отличием меченосцев от тамплиеров (как и от других крупных орденов) было то, что подчинялись они непосредственно рижскому епископу (по инициативе которого и возник орден), а не папе. Невзирая на эту изначальную подчинённость «воинство Христова» пыталось действовать самостоятельно¹⁴; более того, между епископом и меченосцами возникали значительные конфликты при дележе вновь захваченных земель.

После длительного выяснения отношений сторонам удалось договориться о том, что две трети «освоенных» земель получает епископ и одну треть - орден меченосцев. Таким образом, уже в начале XIII века в Ливонии фактически сложилось двоевластие. И епископ, и «воинство Христова» имели собственные печати, которыми скрепляли свои документы. Епископская печать не отличалась оригинальностью: на ней изображалась фигура сидящего епископа, который левой рукой держал посох, а правой - благословлял свою паству (рис. 1)¹⁵. Эта печать скрепляла документы 1224-1225 гг.; надпись на ней говорит о том, что она принадлежала епископу Ливонскому. На печати ордена меченосцев на фоне так называемой «дамасцировки» (характерного узора) бы-

ли изображены крест и под ним меч острием вниз (рис. 2а)¹⁶. Эта печать использовалась в 1221-1232 гг.

В некоторых исследованиях можно встретить и другой вариант печати меченосцев, практически такой же, но несколько отличающийся прорисовкой креста и «дамасцировки» (рис. 2б)¹⁷. Иногда приводится ещё один вариант эмблемы ордена меченосцев: на треугольном щите (характерном для ранней немецкой геральдики) представлен не прямой, а андреевский крест, перекладины которого пересекаются на рукояти меча (рис. 2в)¹⁸. Однако в отличие от предыдущих печатей, оттиски с которых сохранились в рижских архивах, последнее изображение, вероятно, имеет «книжное происхождение», т.е. является плодом труда иллюстратора рукописи. Во всяком случае такие оттиски не выявлены. Интересно отметить, что печати ливонского епископа и ордена меченосцев обнаружены на документах, относящихся к середине 20-х годов, т.е. эти печати появились не одновременно с учреждением соответствующих организаций, а спустя более двадцати лет после возникновения ордена и начала епископства Альберта. По-видимому, было бы большой натяжкой считать приведённые изображения эмблемами лифляндских земель, пусть даже только тех, которые контролировались крестоносцами. Но тем не менее, это были первые официальные печати, которые встречаются в этом регионе с появлением немецких миссионеров; причём «владетельной» печатью следует считать именно епископскую, т.к. Альберт получил ленные права на этот регион и от папы Иннокентия III, и от императора Священной Римской империи (с 1207 г. рижский епископ стал князем Римской империи), а «Орден Христа» был подчинён епископу.

Меченосцы не отличались дисциплинированностью. Они конфликтовали не только с епископом, но и с папским легатом (посланником); были раздоры и внутри ордена. Достаточно сказать, что первый магистр (которого одни историки называют именем Венно¹⁹, а другие - Фьюнольд ф. Рорбах²⁰) был убит из мести орденским рыцарем, лишённым должности за плохое исполнение обязанностей, а второго магистра, Фолькина, оппозиционеры из среды «братьев» заключили однажды в тюрьму по подозрению в симпатиях к епископу. Разногласия в ордене приводили иногда к уходу рыцарей из его рядов. Так, в 1228 г. пятнадцать «братьев» во главе с рыцарем Бруно покинули орден и по приглашению Конрада, князя Мазовецкого, и Христиана, первого епископа Прусского, получили Добжиньскую землю, образовав самостоятельную организацию - Добжиньское братство, задачей которого была защита Мазовии от пруссов. Это братство пыталось унаследовать от меченосцев не только название («орден Христа»²¹), но и символику. Эмблема нового ордена была похожа на печать меченосцев, но вместо креста над мечом изображалась красная восьмиконечная звезда (рис. 3)²². По мнению Элиота (историка конца XVII века), такая же эмблема украшала и левую сторону белого плаща этих рыцарей, но в от-

личие от печати, на которой меч изображён острием вниз, на рисунке Элиота меч представлен острием вверх, а звезда имеет пять лучей; по описанию, меч и звезда - красного цвета²³. Добжинское братство оказалось недолговечным и в 1235 г. влилось в Тевтонский орден. Попытка Конрада возродить Добжинский орден через два года в Дрогичине (на реке Буг) не увенчалась успехом. Меченосцы также просуществовали недолго. Находясь в непрестанной борьбе с язычниками и постоянно конфликтуя с Рижским епископом и между собой «воинство Христово» теряло силы. Второй (и последний) магистр меченосцев - Фольквин вступил в переговоры с Тевтонским орденом с целью равноправного объединения организаций, но не встретил сочувствия ни у своих, ни у чужих «братьев». Меченосцы боялись потерять самостоятельность (точнее, «вольницу»); а у тевтонцев хватало своих забот - в это время они только начинали утверждаться в Пруссии. К тому же они не хотели ссориться с Данией, с которой меченосцы конфликтовали из-за Эстляндии. Да и перспектива объединения с полуанархическим «воинством Христовым» не казалась им блестящей. И только после крупного поражения, нанесённого меченосцам в 1236 г. литовцами и семигальцами, в результате которого погибло пятьдесят рыцарей, в том числе и Фольквин, Великий магистр тевтонцев Герман ф. Зальца согласился на включение остатков «Ордена Христа» в свои ряды, но уже без каких-либо условий со стороны меченосцев. Этот акт был узаконен буллой Григория IX, подписанной в папской резиденции Витербо 13 мая 1237 г.²⁴ В Лифляндию из Пруссии (к этому времени ещё не до конца завоёванной) были направлены 60 тевтонских рыцарей во главе с Германом Балком, который и стал первым лифляндским ландмейстером (одновременно с 1230 г. он был первым прусским ландмейстером Тевтонского ордена). Орден меченосцев прекратил своё существование. Новое образование стало называться «Домом святой Марии Тевтонской в Ливонии» («*Domus Sancte Marie Theutonicorum in Livonia*») или в просторечии - Ливонским орденом. Какой-либо церковно-догматической переориентации появление нового ордена в этом крае не вызвало: небесным покровителем тевтонцев являлась Дева Мария; вместе с тем уже с начала XIII века в Восточной Прибалтике создавался культ Божьей Матери. При этом епископат утверждал, что ливонские земли являются Её вдовьей частью наследства, аналогично отцовской доле наследства Христа в христианском мире²⁵.

Тевтонский (или немецкий) орден оформился в конце XII века²⁶. Внешним отличием немецких рыцарей являлись чёрная туника и белый плащ с чёрным прямым крестом²⁷. Рядовые воины и служивые братья носили на сером плаще «полукрест» в виде буквы «Т»²⁸. Ко времени включения остатков меченосцев в Тевтонский орден резиденция Великого магистра находилась в «Святой Земле», т.е. в Палестине, в городе Акра, который крестоносцы вынуждены были оставить под натиском мусульман позже, в

1291 г. В продолжение всего XIII века Прусское и Ливонское отделения являлись в равной мере «провинциями» (или «комтуриями») немецкого ордена (что резко изменилось с 1324 г.). Рыцари Ливонского ордена (как и все тевтонские «братья») носили белые плащи с чёрным крестом. Поэтому в нашей литературе их часто называют крестоносцами, хотя это в принципе неправильно. Крестоносцы - это участники крестовых походов, «получившие крест» от священника в знак принятия обета борьбы с нехристианскими народами (сначала с мусульманами за Гроб Господень, а впоследствии и с язычниками вообще)²⁹. В соответствии с постановлением папы, «принимали крест», т.е. становились крестоносцами только по благославлению священника (иначе, это предприятие не являлось «богоугодным») и на определённый промежуток времени (для осуществления конкретного похода). В военно-монашеские ордена вступали навсегда (по крайней мере, теоретически³⁰) и окончательно согласовывали этот шаг не со священником, а с руководством ордена, которое состояло из мирян. «Братьям» орденов не разрешалось «принимать крест»³¹, т.к. это означало бы нерегулируемый выход их из ордена, что неизбежно приводило бы к ослаблению военной мощи организации. Таким образом, орденские рыцари не могли быть крестоносцами по сути этого явления, но воевали они, естественно, бок о бок. Так (если говорить о Прибалтийском регионе), в 1255 г. большое крестоносное войско под руководством чешского короля Оттокара II помогло тевтонским рыцарям захватить территорию, на которой с финансовой помощью этого же короля был основан замок, ставший впоследствии столицей Пруссии, - Кёнигсберг. В 1209 г. значительный отряд крестоносцев участвовал в успешном походе меченосцев на княжество Герцике. Вместе с тем большие силы «пилигримов», приехавших в Лифляндию в 1236 г., не спасли меченосцев от сокрушительного разгрома в битве под Сауле, после которого этот орден перестал существовать. Что касается внешнего оформления одеяний, то кресты носили все участники крестовых походов. Чаще всего эти эмблемы располагались на груди посередине, но у крестоносцев «по обету» дополнительный крест на плаще изображался на правом плече³², а орденские рыцари носили крест на плащах с левой стороны груди³³.

В отличие от меченосцев рыцари тевтонского ордена подчинялись непосредственно папе (правда, это не мешало им поддерживать Фридриха II в борьбе против римского первосвященника), по договору с которым одна треть вновь завоёванных земель передавалась епископам, а две трети оставались во владении ордена. Так было в Пруссии. Однако епископы (а затем и архиепископы) в Ливонии протестовали против такой практики, ссылаясь на исторический прецедент с меченосцами, которые получали лишь одну треть земель. Протест церкви был удовлетворён, и папа заставил Ливонский орден признать ленную зависимость от рижского архиепископа; более того, в соответствии с установившейся традицией архиепи-

скоп получал две трети земель, а Орден - одну треть, но это касалось только Ливонии и Семигаллии. В Курляндии соотношение было противоположным. Взаимные претензии в этом вопросе и послужили причиной длительных и многочисленных конфликтов в Прибалтийском крае, которые вылились в постоянную войну «всех против всех». В ходе освоения прибалтийских земель к XVI веку на территории будущей Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний сложилось несколько духовных княжеств: архиепископство Рижское, епископства Дерптское, Эзель-Викское, Курляндско-Пильтенское и Ливонский орден. Каждое из них имело свои печати и, соответственно, свои эмблемы. Самым обширным из них было орденское государство, которое пользовалось наибольшей самостоятельностью и влиянием в этом крае. Если во времена меченосцев высшую власть на завоёванных землях представлял епископ, то после включения этого ордена в Тевтонский ситуация изменилась. В 1226 г. магистр тевтонцев (Герман ф. Зальца) получил от Фридриха II грамоту на владение Пруссией (хотя к захвату её ещё не приступали) и тех земель, которые удастся завоевать. А в 1234 г. папа Григорий IX объявил все владения ордена в Пруссии под защитой папского престола. Магистры Тевтонского ордена рассматривали земли в Ливонии, как подпадающие под юрисдикцию этих грамот. Разумеется, рижская кафедра не могла согласиться с таким положением и вела ожесточённую борьбу с орденом. В 1245 г. рижский (или ливонский) епископ был возведён в ранг архиепископа ливонского, эстонского и прусского (а в 1255 г. утверждён папой в сане архиепископа рижского). Но это не уменьшило накала борьбы за лидерство в регионе. В 1347 г. папской буллой Ливонский орден был освобождён от ленной зависимости от архиепископа. А с конца XIV века он становится фактическим хозяином края (хотя рижская кафедра ещё долго оказывала сопротивление). Со временем руководство ордена добилось того, чтобы епископы в соседние епархии назначались только из числа «братьев» (так называемая «инкорпорация»). Поэтому в качестве предшественников лифляндского грифа следует рассмотреть в первую очередь именно эмблемы Ливонского ордена.

В соответствии с предписаниями Тевтонского ордена, рыцарям запрещалась личная переписка; не могли они использовать и родовую (личную) печать. Однако должностные печати существовали. Они являлись символом полноты власти члена ордена, вступившего в должность. При получении такой печати рыцарь наделялся полномочиями во всём объёме без ограничений. Если же кому-то, фогту или другому орденскому начальнику не передавался знак отличия его должности (печать), то он был ограничен в правах, например, не мог закладывать или продавать собственность Ордена и т.д.³⁴

Эмблематика орденских печатей не была связана с самым распространённым рыцарским символом³⁵. Хотя указанный выше отличительный

знак - чёрный крест на белом плаще - был усвоен тевтонскими рыцарями практически при оформлении этого ордена, на печатях Великого магистра, а также орденского капитула изображалась Богоматерь с Младенцем, держащая в другой руке скипетр (иногда в виде лилии)³⁶. Такое изображение отвечало названию ордена. Провинциальные магистры имели свои печати. На печатях немецких ландмейстеров (дойчмейстеров) изображение было такое же, как у Великих магистров; различались они только надписями; в частности, немецкий ландмейстер назывался «прецептором»³⁷. Прусские ландмейстеры (носившие то же название), начиная с упоминавшегося уже Германа Балка, использовали сцену бегства Святого семейства в Египет (Иосиф ведёт за собой мула под уздцы в правую от зрителя сторону)³⁸. Став ливонским магистром, Г. Балк сохранил на печати то же изображение, но в надписи было добавлено «... и ливонский»³⁹. Последующие ливонские магистры до середины XV века использовали так называемые печати «Пуерпериум» («Puergereium»), на которых изображалось рождение Христа. Эта «личная (или внутренняя) печать Лифляндии» («Ingesegel von Livland») торжественно вручалась Великим магистром вновь избранному ландмейстеру совместно с другими регалиями, в число которых входили золотое кольцо с сапфиром и одеяние членов конвента (высшего совета Ордена) - белая мантия и коричневый капюшон⁴⁰. В те времена (в XIII - XIV веках) при выборе магистра лифляндский конвент избирал двух кандидатов на эту должность и представлял их Великому магистру, который утверждал одного из них. Но командоров и фогтов лифляндские рыцари выбирали и назначали самостоятельно. На печати магистра были изображены возлежащая Богоматерь и стоящая у её ног фигура с посохом; наверху - колыбель с Младенцем и склонившиеся над ним головы вола и мула (рис. 4)⁴¹. В круговой надписи указывается её обладатель: «Коммендатор Тевтонского дома в Ливонии»; т.е. должность руководителя ливонского филиала была в то время приравнена к комтуру (коменданту). Также назывались и комтуры отдельных лифляндских крепостей: «коммендатор» Гольдинген, Митавы, Леаля и т.д. Таким образом, ранг ливонского магистра в то время был ниже, чем прусского или немецкого, которые назывались «прецепторами». Печать «Пуерпериум» использовалась до 1468 г. с небольшими вариациями: в XIII веке головы Богоматери и Младенца были обращены в правую от зрителя сторону, а начиная с XIV века - в левую. В середине XV столетия появилась, одновременно использовалась, а затем и сменила её «Большая печать» («Majestdtssiegel»), на которой представлен сюжет: бегство Святого семейства в Египет (Иосиф находится за мулом от зрителя; композиция развёрнута вправо). Похожее изображение ранее использовалось на печати прусского ландмейстера. Эта должность (а вместе с ней и печать) была упразднена в 1324 г., т.к. с этого времени Пруссией управлял непосредственно Великий магистр Ордена⁴². Это связано с тем, что в 1309 г. его ре-

зиденция была перенесена из Венеции в Пруссию (в г. Мариенбург)⁴³ и именно на Прибалтийском регионе сосредотачиваются с тех пор интересы Тевтонского ордена. Однако настоящим революционным изменением является не смена религиозного сюжета на лифляндской печати, а появление на ней родового герба ливонского ландмейстера. Такой шаг был прямым вызовом орденским предписаниям и самому Великому магистру, на печатях которого (и на большой, и на малой) личный герб отсутствовал до конца XV века⁴⁴. Взаимоотношения «ливонской провинции» и орденской «метрополии» были далеко не равными. В XIII веке, когда новое отделение только появилось и нуждалось в постоянной помощи, ливонский ландмейстер безоговорочно подчинялся Великому магистру. Иногда магистр из Ливонии переводился на такую же должность в Пруссию и наоборот (например, Д. ф. Грёнинген, К. ф. Фёхтванген). Известны случаи, когда ливонский ландмейстер становился Великим магистром (А. ф. Зангерхаузен, К. ф. Фёхтванген). В 80-е годы XIII века была даже предпринята попытка объединить управление прусской и лифляндской провинциями в одних руках (в частности, когда прусский магистр Мангольд практически исполнял обязанности ливонского вице-магистра), но она оказалась неудачной. Специфика задач, стоящих перед различными отделениями Ордена, географическая изолированность этих отделений (между владениями прусского и ливонского ландмейстеров находились литовские земли, так и не завоёванные немцами) делали своё дело. В XIV веке в Ливонском ордене уже заметны следы борьбы между «рейнской» партией, ориентированной на Великого магистра в Пруссии, и «вестфальской» - сторонниками независимой политики. Но влияние «метрополии» было ещё велико, и Великому магистру удавалось держать под контролем ливонский филиал. В частности, в конце этого века ключевые должности в Лифляндии занимали преимущественно «рейнландцы». Однако в следующем столетии «вестфальцы» начали теснить противников; особенно после Грюнвальдского поражения тевтонцев (15 июля 1410 г.). Войска Ливонского ордена в этом сражении не участвовали, т.к. были связаны обязательствами с литовским князем Витовтом. Только в конце сентября они оказали военную помощь прусским «братьям» и способствовали выводу польско-литовских войск из Пруссии и снятию осады с Мариенбурга. Пятнадцатый век знаменовался закатом могущества Тевтонского ордена, вызванным и военными поражениями, и внутренними конфликтами; диктат «метрополии» поневоле ослабевал. Ливонский орден чувствовал себя всё более самостоятельным. Первый шаг к независимости проявился в том, что с 1438 г. ливонские «братья» сами выбирали магистра, который однако по-прежнему должен был ездить на утверждение к Великому магистру в Пруссию. К середине XV века около 60% рыцарей были выходцами из Вестфалии и только 30% происходили из Рейнской области⁴⁵. Следующим шагом явилась смена ландмейстерской печати. В 1451 г. появляется

«большая печать», на которой под сюжетом «бегство в Египет» изображены два щита; на одном из них представлен тевтонский крест, а на другом - родовой герб магистра И. ф. Менгеде, в виде двух красных полос на белом поле (рис. 5^а)⁴⁶. Произошли изменения и в наименовании должности владельца печати, теперь он называется «магистр Ливонии» (а не «коммендатор», как раньше), но конкретное имя по-прежнему не указывается. В дальнейшем на «больших» ливонских печатях можно увидеть родовые гербы практически всех ливонских магистров, включая последнего из них - Готгарда Кетлера, родовым гербом которого был «котельный крик». В середине XVI века штемпель этой печати несколько изменился: как и на печати прусского магистра, Иосиф идёт впереди мула, ведя его под уздцы (рис. 5^б)⁴⁷.

Наряду с двумя упомянутыми типами печатей ливонские магистры использовали и малую печать («Secretsiegel»), которая прикладывалась к менее важным документам. Изображение на такой печати, появившейся впервые предположительно около 1367 г. (а достоверно - с 1402 г.) и использовавшейся до 1558 г., повторяет рисунок печати прусского ландмейстера, но развёрнут в левую от зрителя сторону (рис. 6)⁴⁸. На малой печати, в отличие от большой, сразу же появляются слова «магистр Ливонии».

Крупные военно-монашеские ордена имели свои знамёна, находившиеся при магистрах. Сведения об утверждённом папой или общеизвестном «главном» знамени Тевтонского ордена (как это было у тамплиеров или госпитальеров⁴⁹) отсутствуют. На войсковых штандартах или на флажках, укреплявшихся на копьях, изображался прямой чёрный орденский крест на белом поле. В Хронике Виганда Марбургского (конец XIV столетия) упоминаются знамёна с изображениями как Божьей Матери, так и св. Георгия⁵⁰. Если знамёна первого типа можно признать характерными для Тевтонского ордена, т.к. Дева Мария была его небесным патроном, то другие знамёна могли быть в руках любого рыцаря из числа крестоносцев, участвовавших в данном походе, т.к. св. Георгий был покровителем рыцарей и рыцарства вообще. Однако при описании немецких знамён, захваченных поляками в результате Грюнвальдской битвы, Ян Длугош говорит о двух знамёнах магистра - большом и малом, на которых изображался его герб⁵¹. В литературе можно найти и соответствующие рисунки⁵². В работе И. Мучковского, герб на знамени аналогичен изображениям на малых печатях («Secretsiegel») немецких магистров, появившихся со времени правления Дитриха Альтенбургского³⁶ (1335-1341 гг.), но на знамёнах (в отличие от этих печатей) орёл имеет корону и смотрит в правую (от зрителя) сторону. На современной реконструкции знамени тевтонского магистра орёл выглядит также, как на указанных печатях, т.е. развёрнут в левую сторону⁵³. Ливонский орден имел своё знамя, которое во время военного похода несли рядом с магистром или, в его отсутствие, - с ландмаршалом. Оно было двусторонним. На одной стороне на белом поле на зелёной

земле изображалась (в соответствии с названием ордена) Дева Мария в голубом одеянии, держащая на правой руке Младенца, а в левой «земной шар» (державу?). На другой стороне, также на белом поле и на зелёной земле, представлен Св. Мауриций в голубой тунике и белом плаще; пояс, налокотники и наколенники - золотые; правой рукой он держит флажок, а левой поддерживает щит, стоящий на земле и украшенный прямым крестом. В верхних углах полотнища, противоположных древку, на обеих сторонах изображены белые щиты с чёрными тевтонскими крестами (рис. 7)⁵⁴. На некоторых иллюстрациях можно встретить уточнение в изображении шлема, верхняя часть которого - золотая, а нижняя - чёрная⁵⁵. Такое знамя было утрачено ливонскими рыцарями в ходе проигранного сражения с поляками в 1431 г.

С начала XVI века наблюдается процесс формирования должностного герба ливонского ландмейстера, включающего эмблему Ордена и родовой герб магистра. К этому времени такая композиция, включающая оба указанных герба, уже существовала у госпитальеров⁵⁶. В Тевтонском ордене включение родовых гербов в состав орденской печати произошло, как указывалось выше, в конце XV века⁴⁴; однако эта композиция включала не герб ордена (чёрный крест на белом поле), а герб магистра (такой же как на малых печатях с 30-40-х гг. XIV века и на знамени Великого магистра), причём этот крест служил для разделения поля на части, в которых располагались родовые эмблемы⁵⁷. В Лифляндии четырёхчастный герб с орденским крестом формировался, по-видимому, под влиянием геральдических тенденций, которые можно проследить в немецких епископствах. До конца XIV века там использовались печати с одной только епископской эмблемой. На рубеже XIV-XV веков в ряде духовных княжеств появляются гербовые печати, включающие как герб епископства (изображение печати епископства), так и герб (родовой или личный) самого епископа. Комбинации этих эмблем были разнообразны: два гербовых щита рядом под епископской митрой; один щит, разделённый на две части по вертикали, т.е. рассечённый: слева от зрителя помещалась епископская эмблема, справа - родовой герб. Наконец, были гербовые печати, представляющие собой щит, разделённый на четыре равные части (по геральдической терминологии: щит рассечённый и пересечённый); в первой и четвёртой частях помещался герб епископства (печать епископства), а во второй и третьей частях - родовой герб епископа⁵⁸. В Восточной Прибалтике такая композиция впервые встречается, по-видимому, на печати курляндского епископства в 1508 г.⁵⁹, а в 20-30-х годах распространяется по всему региону.

На территории Ливонского ордена аналогичное изображение появилось сначала на монетах. На фердингах 1515 г. под изображением Девы Марии с Младенцем на руках впервые помещается четырёхчастный щит,

в первой и четвёртой частях которого изображалась эмблема Ордена (простой крест), а во второй и третьей частях - родовой герб магистра Вольтера ф. Плеттенберга (рассечённый двуцветный щит)⁶⁰. На монете 1525 г. такой четырёхчастный герб изображён на щите, который держит рыцарь⁶¹. В дальнейшем под изображением Богоматери можно было видеть или только родовой герб магистра⁶², или четырёхчастную композицию, но изображение рыцаря практически всегда сопровождалось щитом с четырёхчастным гербом, расположенным внизу, у ног рыцаря (как на монете 1536 г.)⁶³ или перед ним⁶⁴. Видимо, поэтому рыцаря на монетах называют часто магистром. Впоследствии четырёхчастный герб помещался иногда на монетах самостоятельно (без сопровождения какой-либо фигуры), как например, на фердинге 1553 г.⁶⁵ или на золотом гульдене 1558 г.⁶⁶ Введя первым в Ливонии изображение четырёхчастного герба, В.ф. Плеттенберг однако не посчитал возможным «оторвать» его от монет даже после упразднения Тевтонского ордена в Пруссии в 1525 г. и после того, когда он официально стал князем Римской империи (в 1530 г.). Во времена его магистерства такие эмблемы встречаются только на монетах. Правда, на его надгробной плите (он умер в 1535 г.) в церкви св. Иоанна в Вендене (Цесисе) был изображён щит с таким гербом⁶⁷, но как правило, его скульптуры сопровождалась двумя отдельными щитами: с орденским крестом и с родовым гербом⁶⁸. На немецкой территории ордена печать с такой композицией появилась ещё при жизни Плеттенберга⁶⁹. При его преемниках четырёхчастный герб также присутствовал только на монетах, но на надгробной плите Германа ф. Брюнгеня он изображён; ранее в таких случаях изображался родовой герб, как например, на надгробной плите предшественника Плеттенберга - Иоганна ф. Лоринкгофе⁷⁰. Личный герб магистра не мог претендовать на статус официального, хотя определённые попытки в этом направлении предпринимались. Так, магистр Иоганн фон дер Рекке (1549-1551) при подготовке своего торжественного въезда в Ревель (Таллинн) по случаю принятия магистерского достоинства, предложил эстляндскому дворянству явиться на церемонию в костюмах с использованием цветов его личного герба. Неизвестно, как поступило бы дворянство, но в связи с эпидемией чумы въезд был отложен и затем не состоялся. По-видимому, это была «проба сил», т.к. Ригу магистр Рекке всё же посетил, но подобных требований не выдвигал⁷¹. Ливонский магистр Генрих ф. Галлен, по-видимому, первым использовал должностной герб не только на монетах; его можно видеть и на его портрете⁷² (ранее в таких случаях приводился родовой герб) и что более важно - на официальном документе (грамоте 1556 г.)⁷³. Видимо, не случайно с лета этого года титул магистра обогатился приставкой «Божьей милостью ...»⁷⁴, что, как известно, характерно для монархов (наследственных или избранных). Но на печатях эта приставка ещё не была отражена. На рис. 8 приведён должностной герб ф. Галлена из этой грамоты, фамильной эмбле-

мой магистра было изображение трёх красных кружков в белом поле. Герб представлен в фигурном немецком щите, формы, характерной для XVI - XVII вв.⁷⁵ И только в 1558 г. четырёхчастный герб появляется в Лифляндии на печатях. Во времена магистерства В. Фюрстенберга малая печать («Secretsiegel») со сценой бегства в Египет заменяется печатью с должностным гербом магистра (рис. 9)⁷⁶. Подобного типа печатью (разумеется, со своим гербом) пользовался и последний магистр Ливонского ордена - Г. Кетлер⁷⁷. На последнем варианте малой печати этого магистра появляется не только его имя (чего не было на большой печати), но и приставка «D.G.», т.е. «Божьей милостью» («Dei gratias»).

Таким образом, должностной герб магистра Ливонского ордена, который можно было бы считать и эмблемой власти этой территории, был юридически оформлен буквально перед самым падением ордена (1560-1562 гг.) и просуществовал даже формально не более четырёх лет, а фактически - менее двух. Тем не менее, поскольку изображению на большой печати не была придана геральдическая форма, именно этот четырёхчастный герб (хотя и в течение очень краткого времени) можно воспринимать как официальную эмблему власти орденского государства в Лифляндии в середине XVI века.

Следует ещё раз подчеркнуть, что епископства, одновременно существовавшие с орденом, имели свои печати, из которых со временем образовались эмблемы соответствующих регионов или городов; но об этом речь ещё впереди.

Как мы уже говорили, до второй половины XVI века политическая карта будущих Прибалтийских губерний походила на пёстрое лоскутное одеяло. Взаимоотношения между указанными выше государственными образованиями далеко не всегда были мирными и, тем более, дружественными. Невзирая на общее, исторически установившееся название региона - Ливония или Лифляндия, единой территориально-политической структуры тут не существовало. Соответственно, не было и общей эмблемы этого региона. Значительные изменения произошли здесь в 60-70-х годах XVI столетия.

Ливонская война 1558-1583 гг. началась как очередной вооружённый конфликт между двумя давними противниками - Московской Русью и Ливонским орденом. Но очень быстро в её перипетии оказались втянутыми практически все могущественные соседние державы. Одни - на дипломатическом уровне, как например, Священная Римская Империя. Другие принимали непосредственное участие в военных действиях - Польша и Швеция. Начальный этап войны был для Московского государства довольно успешным. В результате уже первого года военных действий русские войска овладели Нарвой и Дерптом (Тарту). Затем пали Мариенбург (но не прусский, а лифляндский, современный Алуксне) и Феллин (Вильянди). После Эргемского поражения в 1560 г. Ливонский орден прак-

тически перестал существовать, хотя юридически он был ликвидирован только через два года. (К этому времени не существовал и Тевтонский орден, трансформировавшийся в 1525 г. в Прусское герцогство, главой которого стал бывший Великий магистр Альбрехт Бранденбургский.) Политическая карта Восточной Прибалтики стремительно меняла свои цвета. В 1559 г. островом Эзель и частью курляндских земель завладели датчане. Примерно тогда же дворянство северных эстляндских провинций, убедившись в неспособности Ордена защитить свои земли, начало переговоры со Швецией. В результате в начале июня 1561 г. эти провинции присягнули на верность шведской короне. Остальные владения Ливонского ордена и прибалтийских епископств по Виленскому договору 1561 г. перешли под власть Польши. Невзирая на этот территориальный раздел и появление в связи с ним новых противников (Польши и Швеции), Московия ещё не теряла своих позиций. Так, в 1563 г. был взят Полоцк, открывавший путь на Вильно и Ригу. В общем, первые военные успехи были так велики, что казалось, ещё немного - и война закончится победой, а Лифляндия станет частью Московского царства. В предвкушении этого события правительство Ивана IV ответило отказом литовскому посольству 1566 г., предложившему прекратить военные действия, а территорию Ливонии разделить на основании существующего положения. Земский собор поддержал царя в стремлении продолжить захват Прибалтики вплоть до приобретения Риги. Невзирая на ряд политических и военных поражений 1564 г. Иван Грозный всеми средствами старался показать, что уходит отсюда он не собирается. Видимо, в том числе и этим объясняется появление эмблем Восточной Прибалтики на одной из печатей Московии. Для подписания «перемирных грамот» со шведским королём Иван IV в августе 1564 г. приказал «зделати печать в свою отчину в Вифлянскую землю во град Юрьев, а на печати клейно: орёл двоеглавный, а у орла у правые ноги герб печать маистра Ливоньского, а у левые ноги герб печать Юриевского бискупа; около же печати надпись: царского величества боярина и Вифлянские земли боярина и наместника и воеводы печать»⁷⁸. Рисунок печати «бискупа» действительно похож на печать Дерптского епископства, хотя положение меча и ключа должно быть несколько иным⁷⁹. А вот изображение, приписываемое магистерской печати, требует объяснения. На клейме печати царского наместника в Ливонии изображён всадник, скачущий в левую (от зрителя) сторону; в левой руке он держит плеть, рядом со шлемом всадника (точнее, рядом с плюмажем шлема) находится буква W (рис.10)⁸⁰. В действительности на больших магистерских печатях во второй половине XVI века изображалась, как мы уже знаем, сцена «бегство святого семейства в Египет», а на малых (с 1558 г.) - должностной герб магистра. В архивах печать царского наместника в Ливонии описывается как «печать Юрьевская да магистра Велима Ферштенберхова печать Вельянская»⁸¹. Но ни на герб В. Фюрстенберга, ни на герб города Феллина

(Вильянди) представленное изображение не похоже. Из чьей же эмблемы был взят всадник? Этот вопрос задавал ещё в середине XIX века Б. Кёне, который объяснял несоответствие изображения низким уровнем геральдических знаний при царском дворе вообще и дерптского воеводы - боярина М.Я. Морозова в частности⁸². Против этого утверждения трудно возражать, но оно не снимает вопроса. Ю.В. Арсеньев называл этого всадника «литовской погоней»⁸³. Однако сомнительно, чтобы Иван Грозный мог поместить литовскую эмблему в свою печать, пусть даже в качестве «герба притязания», т.к. претендовал он в данном случае не на Литву, а на Ливонию. Кроме того, различные варианты «погони» (т.е. всадника с мечом, или с копьём, или с луком со стрелами) использовались на литовских печатях значительно раньше (в XIV веке)⁸⁴ и начиная с XV столетия уже не встречаются, а «погоня с плетью» не известна вообще. Скорее, можно согласиться с предположением Г. Штёкля, который считал прототипом данного всадника изображение на должностной печати ландмаршала (командующего военными силами) Ливонского ордена⁸⁵. В отличие от Тевтонского ордена в Пруссии, где вторыми лицами после Великого магистра были немецкий магистр и Великий комтур, в Ливонском ордене первыми заместителями магистра являлись ландмаршал и коадьютор (первый помощник). На печати ландмаршала (рис. 11)⁸⁶, просуществовавшей с незначительными изменениями с 1348 по 1556 г., был изображён всадник со щитом и копьём с флажком на конце, скачущий в левую от зрителя сторону. Резонно предположить, что русские воеводы, имевшие дело прежде всего с военными отрядами и представителями ландмаршала (не только во время столкновений, но и при ведении переговоров), могли довольно часто сталкиваться с этой печатью (однако, документальных подтверждений этому, кажется, нет). Отсутствие у всадника щита и копья можно было бы объяснить (соглашаясь с Б. Кёне) плохим знанием геральдических эмблем при дворе Ивана IV. Но что означает буква W? Возможно, она указывает на имя Фюрстенберга - Wilhelm. К такому предположению приводят следующие обстоятельства. Обратимся к государственной печати Ивана Грозного, появившейся, по мнению Н.А. Соболевой⁸⁷, в 1577-1578 г. Среди 24-х «клейм», представленных на этой печати, имеется одно с надписью вокруг: «печать магистра Лифляндские земли». Однако изображён на «клейме» родовой герб Вильгельма Фюрстенберга, бывшего магистром в 1557-1559 г. и взятого в плен в битве под Феллином в 1560 г., когда он уже не был магистром. Герб этот (две красные балки в золотом поле) сопровождался украшениями, характерными для фамильного герба, т.е. шлемом со шлемовыми украшениями, намётом и т.п. (рис. 12)⁸⁸; тевтонский крест, как видим, отсутствует. В. Фюрстенберг умер в 1568 г., т.е. за десять лет до появления указанной печати. Уже шестнадцать лет как был упразднён и Ливонский орден (в 1562 г.). Почему же московское правительство упорно именовало В. Фюрстенберга магистром несуществующе-

го ордена и приводило на государственной печати его родовой герб? Конечно, это не было следствием некомпетентности дьяков. Дело в том, что Г. Кетлер (магистр, выбранный вместо смещённого Фюрстенберга) никак не хотел идти на переговоры с Москвой и, в конце концов, предпочёл подчиниться польскому королю Сигизмунду II Августу. Поэтому Иван IV начал вынашивать планы создания в Ливонии буферного государства под управлением В. Фюрстенберга (который тогда был в плену), но под верховной властью русского царя. Правда, документальные свидетельства таким планам относятся к началу 1567 г., но, видимо, и в 1564 г. (при создании печати Ливонского наместника) царю хотелось подчеркнуть, что он не только завоевал Лифляндию (хотя ещё и не всю), но и захватил в плен магистра (пусть даже бывшего). Возможно, этим и объясняется появление инициала В. Фюрстенберга на «клейме» печати наместника. К чести бывшего магистра надо заметить, что он отказался от подобного предложения, за что и поплатился, скончавшись в неволе.

Очень соблазнительно было бы считать изображение на печати царского наместника в Ливонии официальным гербом (или хотя бы эмблемой) всей ливонской территории, занятой русскими войсками во время этой войны. К мысли об этом подводит и то, что в одной из летописных редакций подчёркивается: «и тою печатью велел [Иван Грозный] Юрьевскому боярину и воеводе грамоты перемирные с Свейским королём печатати и грамоты в и н ы е (разрядка моя - В.П.) государства печатати»⁸⁹. Однако в действительности, эта печать скрепляла лишь договор со Швецией 1564 г. Данных об использовании её на других документах (а тем более, относящихся к 1576-1577 гг., т.е. ко времени оккупации русскими войсками максимальной территории Лифляндии), похоже, не имеется. Более того, в литературе высказывалось мнение, что эта печать была создана специально для этого договора - о русско-шведском перемирии в Ливонии в сентябре 1564 г.⁹⁰ Нельзя забывать, что и в самих архивах она рассматривается лишь как «печать Юрьевская да ... печать Вельянская», т.е. как печать двух городов (и соответственно, регионов) - Дерпта и Феллина. Исчезновение этой печати с исторической сцены можно объяснить тем, что Иван Грозный не смог закрепиться в Прибалтике ни в политическом, ни в военном отношении. Невзирая на просьбы царя, император Максимилиан не признал его прав на Ливонию. А начиная с 1579 г. русские войска терпят одно поражение за другим: поляками были взяты Полоцк и Великие Луки, позже осаждён Псков. Такой поворот событий был вызван как крымской опасностью, грозившей России, так и окончанием «польского бескоролья»: Стефан Баторий, занявший польский престол в 1576 г., собрал силы и перешёл в наступление. В результате, по Ям-Запольскому перемирию в 1582 г. польские войска ушли с захваченных ими русских земель, но Ливония целиком отходила Речи Посполитой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лакиер. С. 189.

² К концу XII века менее 10 немецких городов имели свои печати, но в XIII столетии наблюдается стремительный рост числа таких городов (см., например, Bresslau, S. 534, подстрочное примечание 1, или Seyler, S. 307).

³ Ю.В. Арсеньев приводит мнение Г. Зейлера о том, что земельные гербы появились в Германии только в конце XIV века, а существовавшие до этого времени ленные (земельные) знамена не имели гербовых изображений (см.: Арсеньев-1, с. 10-11).

⁴ Anopum. S. 461-465. Выдающийся библиограф по истории Лифляндии Эд. Винкельман считал автором этой статьи известного прибалтийского историка К. Напирского (см.: Winkelmann, S. 314, № 7168). Однако вызывает сомнения, чтобы такой серьёзный учёный допустил те ошибки и просчёты, которые в дальнейшем разбираются в настоящей статье. Впрочем, в авторском регистре в издании Эд. Винкельмана эта статья числится всё же за Анонимом, а не за К. Напирским (там же, с. 547). При всей значимости и безусловной полезности труда Винкельмана необходимо отметить, что эта работа отличается удивительной неполнотой. Так, среди литературы о лифляндском гербе (там же, с. 314, № 7169) упомянуты статья в *Das Inland*, 1855 г. и гербовник Зибмахера 1857 г., но ссылка на ПСЗ РИ об утверждении Большого герба 1857 не дана, хотя с последней даты до появления труда Винкельмана прошло более 20 лет, а литература на русском языке, привлечённая этим автором, достаточно обширна.

⁵ Рассказывая о становлении российской территориальной геральдики в начале XVIII века, Н.А. Соболева ограничивается простым упоминанием о существовании некоторых городских и областных гербов Остзейского края (см.: Соболева-1, с. 49, 51, 58, 66-67). Даже подчёркивая, что «гербы для вновь названных» по прибалтийской топонимике полков «были взяты из старых гербовников» (там же, с. 58), автор не уточняет, о каких именно гербовниках идёт речь. Красочные изображения и описания (без комментариев) исторических гербов 14 прибалтийских городов (из 25 имевших гербы) приведены в альбоме Н.Н. Сперансова (см.: Сперансов, №№ 57, 80, 82, 87, 101, 104, 113, 114, 118, 172, 178, 214, 217, 273).

⁶ Сперансов. С. 66.

⁷ Похлёбкин. С. 56.

⁸ Там же. С. 72. Выше (на с. 70) В.В. Похлёбкин справедливо пишет о том, что «в германской геральдике излюбленным мотивом является изображение бычьих рогов», однако тут же указывает, что они «крепятся на шлемах, касках и иных головных уборах военного типа». В данном случае (в гербе г. Вольмар) изображены не бычьи рога, а верхняя часть головы быка.

⁹ Герб и флаг России. С. 305, 328.

¹⁰ Там же, с. 329. Путаница с областями Самогитской и Семигальской видна и на с. 306, где автор пишет, что с присоединением Земгалии Павел I стал «князем самогитским».

¹¹ Там же. С. 328.

¹² Г. Элиот, учёный конца XVII века, описавший историю монашеских и рыцарских орденов, приводит рисунок, представляющий рыцаря-меченосца, у которого в качестве эмблемы на плаще и на щите изображены два меча, пересекающиеся в виде андреевского креста рукоятями вверх (см.: Helyot, T. 3, Fig. 49). По описанию автора, оба меча красного цвета. В настоящее время общепринято мнение, что на плаще меченосцев изображались крест и меч, как и на их печатях.

¹³ Мельвиль. С. 57. Тот же Бернар Клервоский писал: «Нет такого закона, который запрещал бы христианину поднимать меч. Евангелие ... лишь запрещает несправедливую войну, особенно между христианами» (Печникова, с. 17). Позже, видимо, духовный («праведный») и военный меч всё-таки слились воедино; и на печатях епископов Вюрцбургских изображался иерарх, держащий в левой руке епископский посох, а в правой - поднятый обнажённый меч, что для епископа никак не характерно; например, на печати Зигмунда (Сигизмунда) 1441 г. (см.: Oeter, S. 60). Правда, этот епископ Вюрцбургский являлся одновременно и герцогом Саксонским.

¹⁴ Этому способствовало, вероятно, и следующее обстоятельство. Обычно для организации крестового похода папа издавал буллу, в которой призывал рыцарей на «святое дело» (т.е. к конкретному походу), а также назначал духовного наставника из числа епископов. Однако в отношении Прибалтийского края было сделано исключение: в 1204 г. Иннокентий III разрешил проводить регулярные наборы войск крестоносцев для завоевания Ливонии и, таким образом, сделал Ливонский крестовый поход «непрерывным». (Через 40 лет такую же привилегию получил Тевтонский орден по отношению к Пруссии.) По постановлению 1204 г. епископ Альберт имел право сам призывать крестоносцев в помощь своей миссионерской деятельности и определять направление движения войск. Назначение специального духовного наставника в данной ситуации, понятно, не требовалось. Видимо, магистр меченосцев (не без основания считая себя более сведущим в военном деле, чем епископ) сделал для себя и следующее исключение - стал сам планировать и осуществлять походы без привлечения и благословения епископа. Такое поведение было тем более естественным (с точки зрения магистра), что самостоятельность действий тамплиеров и госпитальеров в Палестине в то время была общеизвестна.

¹⁵ Brieflade. Taf. 22, № 1. Такая композиция была характерна для епископских печатей. Вероятно, одной из первых её предшественниц была печать архиепископа Майнцского 1145 г. (Büchler, S. 408/409). В литературе приводится и другой вариант печати Альберта, отличающийся незначительными деталями: прорисовкой епископской митры, подлокотников стула и т.п. (см.: Manteuffel, S. 12/13).

¹⁶ Brieflade. Taf. 5, № 1 und S. 10.

¹⁷ Manteuffel. S. 14/15; Vossberg, S. 4-5.

¹⁸ Siebmacher's Wappenbuch. Bd. 1, Abth. 5, Heft 1, Taf. 61; Vossberg, S. 5. При изображении этого типа печати издатели ссылаются на иллюстрированную «Хронику» И. Даубмана 1566 г. (Daubmann J. Chronika, Kurzer Auszug der Preussischen Chroniken. Königsberg, 1566). Однако насколько достоверно иллюстрации этой «Хроники» отражали истинные гербы и эмблемы, видимо, остаётся под вопросом (см. также примеч. 57).

¹⁹ Арбузов. С. 17. Автор подчёркивает: «громкие имена, которыми позднейшие хронисты называют его и его преемников, должно считать вымышленными».

²⁰ История крестовых походов. С. 222.

²¹ Под таким названием этот орден упоминается в двух буллах папы Григория IX от 28 октября 1228 г., одна из которых направлена епископу Христиану - об утверждении ордена, а другая - «Магистру (без имени) и братству ордена Христа» с призывом бороться с пруссами в Мазовии (см.: Strehlke, S. 195).

²² Siebmacher's Wappenbuch. Bd. 1, Abth. 5, Heft 1, Taf. 61; Vossberg, S. 5. Л. Арбузов ошибочно указывает, что звезда заменила меч (см.: Арбузов, с. 36). На самом деле она заменила крест.

²³ Helyot. T. 3, Fig. 48 u. S. 173.

²⁴ Strehlke. S. 231. Характерно, что булла адресована не магистру, а прецептору («наставнику», т.е. лицу более низкого ранга, чем магистр) и братьям Ордена Христа в Ливонии.

²⁵ История крестовых походов. С. 109; Арбузов. С. 24.

²⁶ Кружку немцев, образовавшемуся в Иерусалиме в 1128 г. для оказания помощи паломникам из Германии, около 1189 г. был придан военный характер и принят устав тамплиеров. В 1191 г. папа Климент III утвердил организацию в качестве отделения ордена госпитальеров. Съезд немецких князей, состоявшийся в Акре в 1198 г., постановил считать орден самостоятельным, что и было санкционировано Иннокентием III в 1199 г. (См.: История крестовых походов, с. 218; Арбузов, с. 37; Helyot, T. III, S. 170). Последние даты (1198 и 1199 гг.) признаются различными исследователями временем появления самостоятельного ордена. Полное название ордена звучало так: «Братство госпиталя Святой Марии Тевтонской в Иерусалиме». Во главе ордена стоял Великий магистр (Hohmeister), избираемый практически пожизненно. Великому магистру подчинялся (но одновременно и контролировал его) орденский капитул (совет), состоящий из пяти человек. Вторым лицом в иерархии ордена был член этого капитула Великий комтур, который до введения должности казначея занимался финансовыми организациями. Орден владел многими землями (подаренными или захваченными) в различных регионах, так называемыми «комтуриями». Руководители этих филиалов («управители земель») назывались ландмейстерами (landmeister), если речь шла о Германии, Пруссии и позже о Лифляндии, или ландкомтурами (landkomtur - «земельный комтур», в отличие от обычного комтура - коменданта крепости, города), если речь шла о менее значительных провинциях: Апулия, Сицилия, Ахайя и др. На печатях и в буллах (посланиях) ландмейстеры (кроме лифляндского) именовались «прецепторами» (praesceptor, т.е. «наставник», «учитель» - имеется в виду - данного филиала). Все провинциальные комтуры, кроме немецких отделений и позднее - Прусского командорства (см.: История крестовых походов, с. 378), должны были посылать в центр треть своих доходов (там же, с. 240), которые поступали в ведение Великого комтура. В каждой «комтурии» (независимо от её размеров и значения) имелся свой капитул (в Ливонии - конвент). Среди ландмейстеров особое место занимал ландмейстер Германии (Deutschmeister), который мог контролировать Великого магистра и создавать генеральный капитул. Это связано с тем, что именно немецкие земли поставляли в орден рыцарские кадры и различную помощь, особенно в первое столетие существования ордена. В частности, в Пруссии преобладали выходцы из Франконии, а в Ливонии - из Вестфалии. Впоследствии дочкейстеры нередко становились в оппозицию Великому магистру. Организованный, как и его старшие предшественники - тамплиеры и госпитальеры - для защиты интересов христиан (но немецкого происхождения) в Иерусалиме, Тевтонский орден не приобрёл такого же влияния в этом регионе. В постоянной и жесточайшей борьбе между тамплиерами и госпитальерами тевтонцы поддерживали последних (видимо, в память о том, что когда-то были их отделением). По свидетельству хрониста Матвея Парижского, в 1241 г. тамплиеры подвергли длительной осаде приорства госпитальеров в Акре, а тевтонцев вообще изгнали из города (см.: Барбер, с. 430). Резиденция немецкого магистра была перенесена в крепость Монфор, построенную во время крестового похода Фридриха II (1228-1229 гг.). Но в 1271 г. египетский султан Бейбарс захватил её, и у тевтонцев практически не осталось опорных пунктов в Палестине. Сознывая шаткость положения ордена в Святой Земле, четвёртый магистр Генрих ф. Зальца уже в начале XIII века пытался обосноваться в Европе. Первая попытка - укрепиться в Трансильвании (Семиградье) по приглашению венгерского короля Андрея II в 1211 г. - была безуспешной, т.к. по его же распоряжению в начале 20-х гг. орден был изгнан. В 1228-1229 гг. Г.ф. Зальца, заручившись поддержкой папы и императора, начинает обосновываться в Пруссии. Соответственно, резиденция Великого магистра находилась сначала в Акре и в Монфоре (в Палестине); после завоевания

Палестины мусульманами в 1291 г. - в Венеции; с 1309 г. в Мариенбурге (в Пруссии) и с 1466 г. - в Кёнигсберге.

²⁷ Эмблематика военно-монашеских орденов не отличалась разнообразием. Тамплиеры носили белый плащ с красным крестом; у госпитальеров был чёрный плащ с белым крестом, но военной эмблемой этого ордена стал белый восьмиконечный крест на красном поле (см.: История крестовых походов, с. 217-218); отличительным знаком рыцарей-лазаритов был зелёный крест (см.: Мельвиль, с. 406) и т.д. В качестве редкого исключения использовалась звезда. Красная пятиконечная звезда являлась эмблемой ордена Монжуа. Синий круг внутри красной звезды встречался на одеянии рыцарей-«звездоносцев» (см.: Helyot, T. I, Fig. 67; T. III, Fig. 91).

²⁸ Всемирная история: Крестовые походы. У истоков ренессанса. С. 395. Различия во внешней атрибутике у рыцарей и рядовых «братьев» наблюдались и в других орденах. Так, служилые братья-госпитальеры также носили полукрест (так называемый «донат»), у которого недоставало двух верхних углов, т.е. верхней части креста (см.: Андреев и др., с. 63-64). Плащи сержантов-тамплиеров были чёрного, а не белого, как у рыцарей, цвета (см.: Мельвиль, с. 23, 76).

²⁹ Крестоносцы принадлежали к различным социальным группам. Знатные рыцари (короли, принцы, владетельные герцоги и т.д.) получали из рук своих духовников традиционный крест, а затем - посох и суму паломника. При организации первых двух походов эти две церемонии отделялись некоторым промежутком времени; впоследствии они были объединены. Французским королям (наиболее активным участникам и организаторам крестовых походов) дополнительно вручалась «орифламма», т.е. хоругвь, красное поле которой было покрыто золотыми языками пламени. Но большинство участников походов (незнатные дворяне, ремесленники, торговцы, крестьяне) получали матерчатые кресты, которые нашивали на одежду (или получали разрешение на ношение таких крестов); по возвращении из похода крест снимался с одежды. Тип и цвет креста мог быть разнообразным. Во время первого крестового похода кресты были, как правило, прямоугольными красного цвета. Именно такие кресты на белом поле были представлены на флагах крестоносцев. В дальнейшем наблюдается исключительное разнообразие как форм крестов, так и их расцветок. Так, крестоносцы, воевавшие против вендов в конце 1140-х годов носили эмблему креста, нарисованного на шаре, а при планировании третьего крестового похода (1188 г.) оговаривалось, что французское ополчение будет носить красные кресты, английское - белые, а фландрское - зелёные (см.: История крестовых походов, с. 85; Арсеньев-2, с. 31.) Как говорилось выше, зелёного цвета был крест и у рыцарей ордена св. Лазаря Иерусалимского (см.: Мельвиль, с. 406; Helyot, T. I, Fig. 60). По предложению папы Урбана II (организатора первого крестового похода), при отправлении в поход или во время его крест должен был располагаться на груди, а при возвращении из похода (т.е. по выполнении обета) - нашиваться на спину между лопатками. Что касается формы креста, то конкретные модификации его были закреплены традицией за различными орденами, по-видимому, значительно позднее. Так, говоря о восьмиконечном кресте госпитальеров обычно подразумевают крест, имеющий глубокие вырезы в виде ласточкиного хвоста. Однако в первые века существования этого ордена вырезы, по-видимому, не были так глубоки. Во всяком случае, на миниатюрах ряда рукописей XIV-XV веков (например, «Grant Cronica de Espanya» - «Большая хроника Испании», «Liber Indulgentiæ» - «Книга индульгенций») на одеяниях рыцарей-иоаннитов представлены кресты восьмиконечные, но с очень неглубокими вырезами; это, скорее, кресты «костыльного» типа (см.: Sire, [цветная илл. № 3 и черно-белая илл. на с. 40]). В то же время восьмиконечными считались также и равноконечные кресты, имеющие

цах, т.е. практически те, которые мы сейчас воспринимаем как «немецкие». Но носили такие кресты отнюдь не тевтонские рыцари, а тамплиеры, получившие этот знак отличия от папы Евгения III в апреле 1147 г. во время подготовки ко второму крестовому походу. Такой крест можно видеть на рисунке, представленном в книге Dupuy (шмуч-титул со ссылкой на *Monasticon anglicanum*); в частности, крест на посохе тамплиера заключён в правильный восьмиугольник. Примерно такой же крест, но с менее подчёркнутым расширением на концах, изображён на щите и на флажке на копье у тамплиера в настенной росписи во французской церкви в Кресак-Сюр-Шарент (см.: История крестовых походов, с. 230). Вместе с тем, равноконечный крест, со значительными расширениями на концах, можно было видеть и на монетах Иерусалимского королевства, начиная с 60-х гг. XII века, а также соседних княжеств: Антиохии, Триполи и др. (см.: Schlumberger, Pl. III, №№ 19-31). Тевтонский же крест был в большей или меньшей степени вытянутым, т.е. поперечная перекладина была значительно меньше вертикальной, но прямым; иногда концы креста оформлялись в виде буквы «Т», но с очень небольшой поперечиной. Именно такой формы крест можно видеть, например, на скульптурном изображении Конрада Тюрингского, пятого Великого магистра тевтонцев в 1239-1240 гг. (см.: История крестовых походов, с. 239; Vossberg, S. 11, у последнего рисунок более чёткий, и под изображением Конрада видны два щита с гербами, один из которых представляет эмблему ордена - прямой крест), на надгробной плите с изображением магистра Лютера Брауншвейгского, умершего в 1335 г. (см.: Krollmann, Abb. 2), на миниатюре 1337 г. (там же, рис. 3), на одной из иллюстраций издания 1496 г., осуществлённого в городе Любеке (см.: Büchler, S. 408/409) и на других памятниках того времени. Позднее, действительно, концы немецкого креста стали несколько расширяться, но ещё в XVI веке (во времена существования Тевтонского государства в Пруссии и Ливонского ордена) форма его была далека от той, которую сейчас мы называем «немецким крестом» (особенно после Второй мировой войны). В месте с тем, такие же кресты, т.е. с небольшим расширением или Т-образным завершением на концах, в изобилии представлены на иллюстрациях итальянского пергаментного кодекса второй половины XII века (см.: Ganz, Fig. №№ 12, 13).

³⁰ Однако устав тамплиеров предусматривал и временное служение Ордену не только для сержантов, но и для рыцарей (см.: Мельвиль, с. 23).

³¹ История крестовых походов. С. 368.

³² Арсеньев-2. С. 30.

³³ Для госпитальеров это было установлено первым Великим магистром ордена Раймондом де Пюи в 20-е гг. XIII столетия в «Правилах ордена Святого Иоанна Иерусалимского», п. V (см.: Андреев и др., с. 301). У тамплиеров кресты появились позднее, в 1147 г., также слева (см.: Мельвиль, с. 62). Что касается рыцарей Тевтонского ордена, то практически во всех описаниях указывается, что крест на плаще следует носить на левой стороне груди. Однако встречаются иллюстрации, на которых крест представлен на правой стороне плаща. Например, на изображении немецкого рыцаря в любекском издании 1496 г. (см.: Büchler, S. 216/217) или на иллюстрации, представленной в Немецкой Энциклопедии (см.: Brockhaus Enzyklopädie, 13 Band, S. 780, Fig. 1).

³⁴ Sachssendahl. S. 76. Об отсутствии личных печатей у членов ордена говорит и Э. Латрелл (см.: История крестовых походов, с. 388), но его утверждение, что «у ордена даже не было главной печати, как у госпитальеров» (там же, с. 379) - не соответствует действительности.

³⁵ Подобная ситуация наблюдалась и в других наиболее крупных европейских военно-монашеских орденах. Печати тамплиеров были односторонними с изображениями двух типов, представляющими или храм того или иного вида, или двух рыцарей на одной лошади (см.: Douët d'Arcq, p. 241-242, №№ 9858 - 9865). Оба ти-

па использовались практически одновременно Первая печать тамплиеров, датируемая, как и появление красного креста на белых плащах, 1147 годом, представляла (в соответствии с названием Ордена - тамплиеры или храмовники) храм, увенчанный куполом, - Храм Господень или Храм Соломона (рисунок см.: Егер, с. 399). Печать такого вида использовалась до середины XIII века. На печати другого типа (с 1167 г.) изображались два рыцаря, едущие в левую сторону на одной лошади, что являлось символом не бедности, а смирения. Как писал апологет тамплиеров епископ Акры Ж. де Витри: «Два гордеца не поскачут в одном седле» (см.: Мельвиль, с. 9, 111, 227). Рыцари защищены одним щитом, но у каждого своё копьё. Такая печать использовалась до конца XIII века. В начале следующего столетия орден тамплиеров по инициативе французского короля и с благословения папы римского был ликвидирован. Печати госпитальеров были двусторонними. На лицевой стороне печатей одного типа изображался (с конца XII века) человек, стоящий на коленях перед так называемым «патриаршим» крестом (шестиконечным, т.е. с двумя поперечинами, верхняя из которых короче нижней); внизу буквы «А» и «ω» («Альфа» и «Омега»). В первой трети XIII века появляется печать другого типа; на её лицевой стороне представлена фигура, расположенная анфас, с крестом на левой стороне груди (см.: Douët d'Arcq, p. 244-245, №№ 9880 - 9887). Человека, изображённого на лицевых сторонах, отождествляют с магистром. На оборотной стороне печатей обоих типов - на фоне здания («госпиталя») - ?) изображался большой (перебинтованный) человек с удлинённым крестом около головы (там же; рисунок см.: Егер, с. 398; Андреев и др. с. 40). Печати с таким изображением на оборотной стороне использовались вплоть до потери рыцарями Мальты (см.: Печникова, с. 12).

36 Это изображение с незначительными изменениями просуществовало до конца XV века. Одновременно с 30-40-х гг. XIV столетия входит в обиход малая магистерская печать («Secretsiegel») с изображением магистерского герба, представлявшего белый щит с чёрным крестом, на который наложен золотой крест с утолщёнными Т-образными концами, заменёнными в конце XV века лилиями. На пересечении перекладин этих крестов расположен щиток с одноглавым «распластаным» некоронованным орлом, смотрящим влево от зрителя - эмблема, указывающая на связь ордена со Священной Римской империей немецкой нации. (См.: Vossberg, Taf. I, № 1-3, 17-18; Brieflade, Taf. 5 [Siegel], №№ 2-3). По преданию, император Фридрих II (1220-1250), внук Барбароссы даровал магистрам Ордена право ввести императорского орла в состав эмблемы магистров, а французский король Людовик XI (1461-1483) разрешил использовать королевские лилии на концах креста.

³⁷ Brieflade. Taf. 6 [Siegel], № 1; [Wal W.E.J.], таблица в конце 1-го тома, № XI - XIII.

³⁸ [Wal W.E.J.], № XVI; Vossberg, Taf. I, № 5-7; Brieflade, Taf. 6 [Siegel], № 9.

³⁹ [Wal W.E.J.], № XVII.

⁴⁰ Sachssendahl. S. 76.

⁴¹ Brieflade. IV, Taf. 7 [Siegel], № 2-5.

⁴² См. например, Voigt. Bd. II.

⁴³ Восточная Пруссия. С. 108; История крестовых походов. С. 248.

⁴⁴ Впервые родовой герб Великого магистра Тевтонского ордена на орденской печати появляется при магистре Фридрихе, сыне герцога Саксонского, который был магистром в 1497-1510 гг. (см. например, Vossberg, Taf. X). До этого времени магистры выбирали из среды «братьев» ордена. Но к концу XV века дела в Пруссии стали совсем плохи. Польское королевство значительно урезало территорию ордена. Внутренние противоречия доходили до военных столкновений. После поражения в Грюнвальдской битве приток рыцарей в орден резко сократился; ухудшилось со-

стояние финансов. В такой ситуации орденские чины решили выбрать в магистры знатного представителя Германской империи в надежде, что «заграница поможет». Империя помощи не оказала, но прецедент введения в состав должностной печати родовых гербов состоялся. Избранный после Фридриха Альбрехт Бранденбургский (также из «заграницы») поддержал эту традицию и ввёл в магистерскую печать свои родовые эмблемы (см.: Vossberg, Taf. XI; Oelsnitz, S. 81).

⁴⁵ История крестовых походов. С. 391.

⁴⁶ Brieflade. IV, Taf. 7 [Siegel], № 9. Л. Арбузов относил её появление к 1460 г. (см.: Арбузов, с. 147). Ослаблением центральной власти пытались пользоваться и немецкие магистры (дойчмейстеры). В частности, родовой герб на их печати появляется несколько позднее, в 1464 г. при магистре Ульрихе ф. Лентерсхайме (см.: [Wal], № XIV). Но в отличие от ливонских на немецких печатях впервые появилось и имя магистра, что не практиковалось в Ливонии до самой ликвидации ордена.

⁴⁷ Brieflade. IV, Taf. 8 [Siegel], № 22.

⁴⁸ Brieflade. IV, Taf. 7 [Siegel], № 6.

⁴⁹ В походных условиях орденские знамёна водружались около шатра магистра или замещающего его руководителя. Во время атаки тамплиеров знамя ордена нёс сам маршал (командующий вооружёнными силами). Это знамя появилось в 20-х годах XII столетия (см.: Мельвиль, с. 29) и представляло белое полотнище с широкой чёрной полосой у верхнего края (там же, с. 113). Соотношение белой и чёрной полос могло меняться. Так, на рисунке в «Хронике» Матвея Парижского ширина их практически равная (см.: История крестовых походов, с. 229). На знамени госпитальеров, утверждённом в 1113 г., по некоторым сообщениям, изображался белый восьмиконечный крест в красном поле (см.: Печникова, с. 14; Андреев и др., с. 39; в обоих изданиях ссылка отсутствует), однако на ряде миниатюр, например, на иллюстрации в испанской рукописи XIV века (см.: Sire, p. 34/35 [цветная илл. II]) и на других на красном полотнище флага изображён белый прямой крест. Да и тот факт, что впоследствии гербом ордена стало именно такое изображение (см. примечание 51) заставляет думать, что на флаге ордена был представлен прямой крест.

⁵⁰ Oelsnitz. S. 24.

⁵¹ Длугош Я. Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962.

⁵² Muczowski [знамёна] № 1.

⁵³ Восточная Пруссия. С. 95.

⁵⁴ Brieflade. IV, Taf. 7 [Siegel], № 1; Царь Иван Грозный, с. 34.

⁵⁵ Muczowski [знамёна] № 53;

⁵⁶ Впервые такой герб, изображённый на монетах и на стенах укреплений, появился при Великом магистре госпитальеров Пьере д'Обюссоне, руководившим орденом в 1476-1503 гг. (см.: Schlumberger, Pl. XI, №№ 2, 5; Sire, p. 55). Кстати, следует отметить, что хотя внешним отличительным знаком госпитальеров в мирное время был белый восьмиконечный крест на чёрном плаще, а во время боевых действий - такой же крест на красном одеянии, гербом ордена являлся прямой крест белого цвета на красном поле. Эта же эмблема помещалась в первом и четвертом полях должностного герба Великого магистра (Sire, с. 98/99 цветная илл. XII, с. 219, 225, 254 и др.). На титульном листе устава ордена, появившегося в 1534 г., представлен именно такой герб. А в уставах, изданных в 1725 и 1782 гг., изображён сам герб ордена - прямой белый крест в красном фигурном щите под короной. Современный герб Мальтийского ордена также содержит в качестве центральной фигуры изображение белого прямоугольного креста в красном овальном щите; большой белый восьмиконечный крест помещается за этим щитом (видны только концы лучей), а маленький крест - под ним. (см.: Андреев и др., с. 104, 132, 226).

⁵⁷ В «Хронике» Даубмана 1566 г. (см. примечание 18), по-видимому, впервые приводятся гербы 34-х Великих магистров Тевтонского ордена (на иллюстрациях с их изображениями), представляющие четырёхчастные щиты, которые содержат в первой и четвёртой частях крест (или герб, описанный в примеч. 36) магистра (но не ордена!), а во второй и третьей частях - родовой его герб. Четырёхчастный герб магистра повторяется также на щите и на груди. Впоследствии эти иллюстрации с четырёхчастными гербами воспроизводились в различных изданиях, например, М. Гарткноха 1684 г. (см.: Hartknoch), К. Бломберга 1701 г. (см.: Blomberg, p. 54) и в других (из изданий на русском языке см.: Восточная Пруссия, с. 96). Но как показали более поздние исследования, такие изображения в средневековых документах отсутствуют (см.: Oelsnitz, S. 11); таким образом, указанные четырёхчастные гербы Великих магистров Тевтонского ордена являются, скорее всего, результатом творчества иллюстратора «Хроники» Даубмана и не отражают реального положения вещей.

⁵⁸ Впервые гербовую печать с четырёхчастным щитом, включающим епископский и родовой герб, использовал, вероятно, Рудольф III, епископ Шверинский, возглавлявший епархию в 1390-1415 гг. (см.: Siebmacher's Wappenbuch, Bd. 1, Abth. 5, Heft 1, S. 13 u. Taf. 29). Почти одновременно, в 1400-1408 гг. такого типа печать появилась в епископстве Мейсенском (там же, с. 3 и табл. 7). Затем в епископстве Вюрцбургском (там же, с. 7 и табл. 14) и во многих других. У магистров ордена госпитальеров должностной герб с четырёхчастным щитом получил официальный статус, видимо, значительно позднее. Правда, в литературе можно встретить портрет магистра Фуке де Вилларе (1305-1319 гг.) с изображением такого герба (см.: Андреев и др., с. 59). Но, вероятнее всего, это пример искусственного «удревления» герба. На орденских печатях личные эмблемы отсутствовали (см. прим. 35). На орденских монетах (родосского периода), начиная с Фуке де Вилларе, на одной стороне представлено изображение лицевой части печати - магистр, стоящий на коленях перед шестиконечным крестом, а на другой - изображался крест с небольшими расширениями на концах (см.: Schlumberger, Pl. X, № 1). Во времена магистерства Раймунда Беранже (1365-1374) позади магистра впервые появляется щиток с его личным гербом (там же, №№ 4, 7). На монетах Хуана де Эредиа (1376-1383) на этом месте изображена стилизованная башня без щитка (там же, №№ 9,10), хотя его должностной герб с четырёхчастным щитом можно видеть в рукописях конца XIV - начала XV века (см.: Sire, p. 50/51 [цветная илл. № V]). Личный герб де Эредиа представлял три белых башни (две вверху и одна внизу) на красном поле, поэтому изображение на монетах можно рассматривать и как часть личного герба и только при магистре Пьере д'Обюссоне четырёхчастный герб начинает использоваться официально (см. примечание 56). Незадолго до него на Латинском Востоке герб подобного типа использовала на монетах королева Кипра Шарлотта, правившая в 1458-1460 гг. (см.: Schlumberger, Pl. VII, №№ 18, 19). Может показаться удивительным, что магистр духовного ордена, призванный служить Богу, «дерзнул» поставить рядом с божественным символом - крестом и свою личную эмблему, тем более, что совсем недавно магистр изображался на монетах коленопреклоненным перед крестом. Вероятно, впечатление от этой «дерзости» смягчалось тем, что личный герб д'Обюссона, бывшего перед этим кардиналом, представлял красный крест якорного типа (см.: Sire, p. 98/99 [цветная илл. XII]). У преемников этого магистра - д'Амбуаза (1503-1512 гг.) и дель Каретто (1513-1521 гг.) - личные эмблемы носили «нейтральный» характер: у первого - вертикальные полосы, у второго - косые (см.: Schlumberger, Pl. X-XI). В дальнейшем использование четырёхчастного герба рассматривалось уже как традиция. И герб следующего магистра - де л'Иль-Адана (1521-1534) украшал титульный лист Устава ордена, вышедшего в 1534 г. (см.: Андреев и др., с. 90).

⁵⁹ Brieflade. IV, Taf. 46, № 10.

⁶⁰ Dudik. Taf. XIX, № 199, 200.

⁶¹ Там же. № 204

⁶² Brieflade. IV, Taf. 4 [Münzen], № 39.

⁶³ Dudik. Taf. XIX, № 213.

⁶⁴ Brieflade. IV, Taf. 4 [Münzen], № 40, 44-46.

⁶⁵ Фёдоров. С. 86.

⁶⁶ Brieflade. IV, Taf. 2 [Münzen], № 11.

⁶⁷ Brieflade. IV, Taf. 10 [Siegel]. На этой плите он изображён держащим правой рукой меч, опущенный острием в землю, и левой рукой поддерживающим щит с четырёхчастным гербом. На нагрудных доспехах виден немецкий крест с несколько расширяющимися концами. См. также Loeffler, Taf. III, Fig. 5.

⁶⁸ Blomberg. P. 88. Под скульптурным изображением В.ф. Плеттенберга в нише (здесь он держит меч острием вверх) по сторонам доски с пояснительной надписью видны два фигурных щита: слева - с орденским крестом с расширяющимися концами, справа - с родовым гербом.

⁶⁹ После ликвидации Тевтонского ордена в Пруссии в 1525 г. (и образования на его территории Прусского герцогства) члены ордена, не согласившиеся с последним Великим магистром (и первым герцогом Прусским) Альбертом Бранденбургским принять протестантство и «самораспуститься», перенесли управление орденом в город Мергентайм (в германскую область - Франконию). Исполняющим обязанности Великого магистра стал немецкий ландмейстер (дойчмейстер), на печати которого уже в 1528 г. появился четырёхчастный герб с орденским крестом (но не с крестом Великого магистра) и родовой эмблемой (см.: [Wal W.E.J.], № XV).

⁷⁰ Brieflade. IV, Taf. 11 und 9 [Siegel].

⁷¹ Арбузов. С. 147.

⁷² Neumann. S. 32.

⁷³ Bruiningk-1. S. 1-3.

⁷⁴ Арбузов. С. 150.

⁷⁵ Hildebrandt. Taf. V.

⁷⁶ Brieflade. IV, Taf. 8 [Siegel], № 20.

⁷⁷ Там же. № 23, 24.

⁷⁸ ГАРФ. Ч. III. С. 452.

⁷⁹ Бородка ключа и острие меча должны быть направлены вверх. Такое изображение встречается с середины XV века, в основном, в составе большой печати Дерптского епископства, хотя известна и малая епископская печать 1485 г. с таким рисунком. Однако ко времени Ливонской войны это изображение могло восприниматься и как малая печать г. Дерпта.

⁸⁰ Коehne-1. S. 348-353, Taf. VIII, № 2; Снимки, с. 67.

⁸¹ ГАРФ. Ч. I. С. 86.

⁸² Коehne-1. S. 348-353.

⁸³ Арсеньев-2. С. 311.

⁸⁴ Румянцева. С. 31-33.

⁸⁵ Stökl. S. 60-61; об этом см.: Линд, с. 213.

⁸⁶ Brieflade. IV, S. 51-52 und Taf. 12 [Siegel], № 1-4.

⁸⁷ Соболева-2.

⁸⁸ Коehne-1. Taf. VIII, № 1; Снимки, с. 18-19; Соболева-1, с. 226.

⁸⁹ РИБ. Т. 3, с. 230.

⁹⁰ Линд. С. 213.

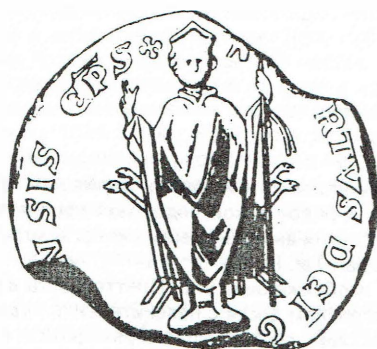

Рис. 1.

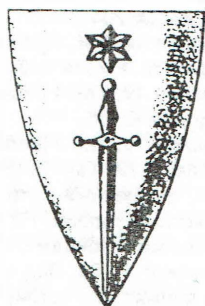

Рис. 3.

Рис. 2а.

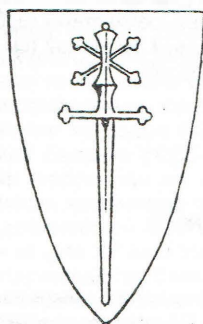

Рис. 2в.

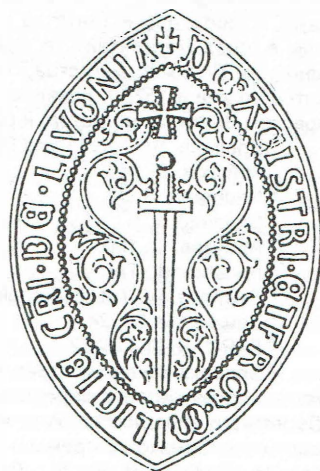

Рис. 2б.

- Рис. 1. Печать первого ливонского епископа Альберта, 1225 г.
 Рис. 2. Эмблема ордена меченосцев : а) печать 1221-1232 гг.,
 б) печать 1225 г, в) вариант эмблемы из «Хроники» Даубмана.
 Рис. 3. Эмблема рыцарей Добжиньского братства («Ордена Христа»),
 1228-1235 гг.

Рис. 4а.

Рис. 4б.

Рис. 5а.

Рис. 5б.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 4. Печать ливонского ландмейстера, «Puerperium»:
а) XIII век; б) XIV век.

Рис. 5. Печать ливонского магистра, «Majestätssiegel»:
а) И. ф. Менгеде, 1451 г; б) Г. Кетлера, 1559 г.

Рис. 6. Малая печать («Secretsiegel») ливонских магистров,
1367-1558 гг.

Рис. 7. Знамя магистра Ливонского ордена, 30-е гг. XV века.

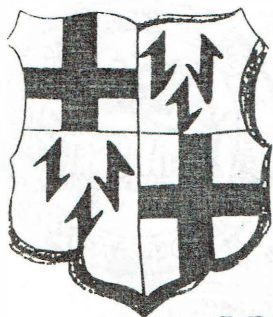

Рис. 8.

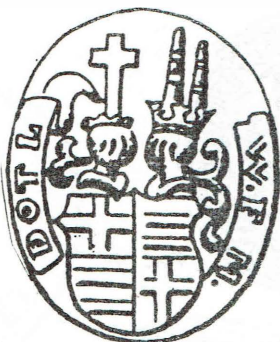

Рис. 9.

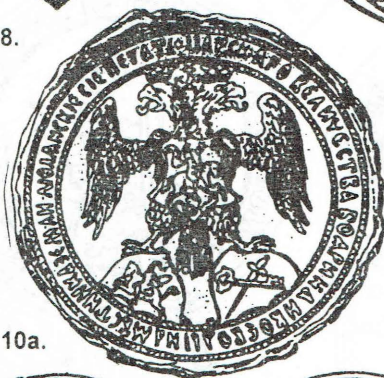

Рис. 10а.

Рис. 10б.

Рис. 11а.

Рис. 11б.

Рис. 12.

Рис. 8. Должностной герб магистра Г. ф. Галлена, 1556 г.

Рис. 9. Малая печать магистра В. Фюрстенберга, 1558 г.

Рис. 10. Печать царского наместника в Ливонии, 1564 г.:
а) общий вид; б) эмблема всадника на ней.

Рис. 11. Должностная печать ландмаршала Ливонского ордена:
а) 1348-1349 гг.; б) 1556 г.

Рис. 12. «Печать магистра Лифляндские земли»
на государственной печати Ивана Грозного,
1577-1578 гг. (родовой герб В. Фюрстенберга)

- Андреев А., Захаров В., Настенко И.** История Мальтийского ордена. М., 1999.
- Арбузов Л.** Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912.
- Арсеньев-1 - **Арсеньев Ю.В.** О геральдических знамёнах в связи с вопросом о государственных цветах Древней России. СПб., 1911.
- Арсеньев-2 - **Арсеньев Ю.В.** Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907-1908 г. М., 1908. (Переиздано: Ковров, 1997).
- Барбер М.** Процесс тамплиеров. М., 1998.
- Восточная Пруссия с древнейших времён до конца второй мировой войны. Исторические очерки, документы, материалы. Калининград, 1996.
- Всемирная история. Крестовые походы. У истоков ренессанса. М.-Минск, 1999.
- Герб и флаг России X-XX века. М., 1997. [Часть 1-я. Герб. (А.Л. Хорошкевич)].
- Государственный архив России XVI столетия / Подготовка текста и комментарии А.А. Зимины. В трёх частях. М., 1978.
- Длугош Я.** Грюнвальдская битва. М.-Л., 1962.
- Егер О.** Всемирная история. Средние века. М., 1999 (переиздание 1904 г.).
- История крестовых походов. Под ред. Дж. Райли-Смита. Перевод с англ. М., 1998.
- Лакиер А.Б.** Русская геральдика. М., 1990.
- Линд Дж.** Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые символы времён Ливонской войны // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 203-222.
- Мельвиль М.** История Ордена Тамплиеров. Перевод с франц. СПб., 2000.
- Печникова Р.Ю.** Мальтийский орден в прошлом и настоящем. М., 1990.
- Похлёбкин В.В.** Словарь международной символики и эмблематики. 3-е изд. М., 1999.
- Румянцева В.В.** Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. Киев, 1986.
- Русская историческая библиотека. СПб., 1876. Т. 3.
- Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М., 1882.
- Соболева-1 - **Соболева Н.А.** Российская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М., 1981.
- Соболева-2 - **Соболева Н.А.** О датировке большой государственной печати Ивана IV // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 179-186.
- Сперансов Н.Н.** Земельные гербы России XII-XIX вв. М., 1974.
- Фёдоров Д.Я.** Монеты Прибалтики XIII-XVIII столетий. Определитель монет. Таллин, 1966.
- Царь Иван Грозный, его царствование..... в портретах, гравюрах [и т.д.]. СПб., 1904.
- Anonym - Ueber das Wappen des ehemaligen Herzogthums Livland // Mittheilungen aus der Livländischen Geschichte. Bd. VII. Riga, 1854. S. 461-465.
- Blomberg Ch.J.** An Account of Livonia, with a Relation of the Rise, Progress and Decay of the Marian Teutonic Order.... London, 1701.
- Bresslau H.** Handbuch der Urkundenlehre. Bd. I. Leipzig, 1889.
- Brieflade - [J. Sachssendahl] Siegel und Münzen der weltlichen und geistlichen Gebietiger Liv-, Est- und Curland bis zum Jahre 1561 // Est- und Livländische Brieflade. Bd. IV. Reval. 1887.
- Bruiningk-1 - **Bruiningk H.** Ein livländischer Schutzbrief von 1556 mit farbigen Wappen des Landesherrn // Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistik, 1907-1908. Mitau, 1910.

- Büchler J.* Ordensritter und Kirchenfürsten. Leipzig, 1927.
- Douet d'Arçq M.* Collection de sceaux de l'Empire. T. III. Paris, 1868.
- Dudík B.* Des Hohen deutschen Rittersorden Münz-Sammlung in Wien. Wien, 1858.
- Du-Pui P.* Histoire de l'Ordre militaire des Templiers. Bruxelles, 1751.
- Ganz P.* Geschichte der heraldischen Kunst in der Schweiz im XII und XIII Jhrg. Frauenfeld, 1899.
- Hartknoch M.* Ch. Alt- und Neues Preussen oder Preussischer Historien. Franckfurt und Leipzig, 1684.
- Helyot H.* Ausführliche Geschichte aller geistlichen und weltlichen Kloster- und Ritter-Orden. T. III. Leipzig, 1754. S. 180/181. Fig. 49.
- Hildebrandt A.M.* Heraldisches Musterbuch. Berlin, 1872.
- Koehne-1 - *Koehne B.* Unedirte Russische Siegel // Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappenkund. Neue Folge. Berlin, 1859-1862.
- Krollmann Chr.* Politische Geschichte des Deutschen Ordens in Preussen. Königsberg, 1932.
- Manteuffel G.* Infanty Polskie. Poznan, 1879.
- Muczkowski J.* Wiadomosc o recopismach historyi Dlugosza, jego banderia Prutenorum et insignia seu cleinoda Regni Polonici. Krakow, 1851.
- Neumann W.* Geschichte der bildenden Kunste in Liv-, Est- und Kurland. Reval, 1887.
- Oetter S.W.* Wochentlichen Wappenbelustigung. Augsburg, 1761.
- Oelsnitz A.B.C.* Herkunft und Wappen der Hohmeisters des Deutschen Ordens 1198-1525. Königsberg, 1926.
- Sachssendahl J.* Die Bedeutung des Siegels für die Geschichtsforschung und für archivalische Studien // Труды X Археологического съезда в Риге 1896 г. Т. II. Рига, 1899. С. 76-80.
- Schlumberger G.* Numismatique de l'Orient Latin. Paris, 1878.
- Seyler G.* Geschichte der Siegel. Leipzig [1894].
- Siebmacher's Wappenbuch - J. Siebmacher's grosses und allgemeines Wappenbuch. Nurnberg, 1856-....
- Sire H.J.A.* The Knights of Malta. London, 1994.
- Stökl G.* Testament und Siegel Jvans IV // Abhandlungen der Rheinisch-Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Opladen, 1972. Bd. 48. S. 41-69.
- Strelke E.* Tabulæ Ordinis Theutonici. Berlin, 1869.
- Volgt J.* Geschichte Preussens. Bd. II. Königsberg, 1827.
- Vossberg F.A.* Geschichte der Preussischen Münzen und Siegel bis zum der Herrschaft des Deutschen Orden. Berlin, 1843.
- [*Wal W.E.J.*] Recherches sur l'ancienne constitution de l'Ordre Teutonique... T. 1-2. Mergentheim, 1807.
- Winkelmann Ed.* Bibliotheca Livoniæ historica. Berlin, 1878.

ПАСТОР Владимир Евгеньевич, кандидат технических наук, старший научный сотрудник АОТ «ВНИИНефтехим», г. Санкт-Петербург.

ЭМБЛЕМЫ ЛИФЛЯДИИ

(см. стр. 57)

Значки различных серий с гербами городов Лифляндии.
Фрагмент коллекции И.С. Сметанникова.